

В.А. ГОРОДЦОВ И РЯЗАНСКИЙ КРАЙ: МОДЕЛЬ СТАНОВЛЕНИЯ УЧЕНОГО-ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЯ

В предлагаемой работе в известной степени анализируется наследие крупного археолога первой половины XX века. Правда приоритет отдан не столько сравнительной характеристике полученных исследовательских данных с материалами современных разысканий на памятниках окской археологии (это отдельный сложный вопрос), сколько особенностям формирования научных интересов, складыванию основ исследовательского подхода и концептуально-методологических построений, обзору ранних полевых и разведочных открытий В.А. Городцова. Основная задача в том, чтобы главным образом на материалах рукописных годовых отчетов Рязанской ученой архивной комиссии (РУАК), а также на примере отдельных наиболее показательных текстов ранних выступлений Василия Алексеевича в печати, в их числе тезисы научно-полемического свойства, показать роль археологии Рязанского края, как первоначала научных изысканий археолога в конце 1880-х – начале 1890-х гг.

В литературе вопрос о становлении одного из создателей советской археологии освещен неплохо, но все же, как представляется, недостаточно. Не показано в частности, как из самоучки на Рязанской земле вырос крупный археолог. Не помешает исходить из анализа первых творческих опытов увлеченной личности. Из подробного освещения начала научного пути можно лучше уяснить тот факт, что ранняя исследовательская самостоятельность В.А. Городцова постепенно обнаружила широту творческих поисков, привела к созданию оригинальных методик полевых исследований. Однако на самом старте в этом таилось серьезное препятствие, поскольку начинающему археологу, не имевшему специальной подготовки высшей школы, было довольно сложно в то время найти признание в научных кругах. В этом смысле в какой-то степени помогло членство и деятельность в РУАК. Верхний хронологический рубеж настоящего исследования охватывает время по 1892 г. Представляется важным проследить динамику развития его практических устремлений и исследовательской инициативы.

Василий Алексеевич Городцов родился 11 (23) марта 1860 г. в селе Дубровичи Рязанского уезда в семье диакона. В 1870-е гг. он обучался в Рязанском духовном училище, затем в Рязанской духовной семинарии. В 1880 г. на правах вольноопределяющегося поступил на службу в русскую армию. В том же году В.А. Городцов был направлен в Московское пехотное юнкерское училище, где в течение двух лет осваивал различные специальные дисциплины, в том числе, топографию и съемку местности. В его работах по археологии долины р. Оки топографические карты выполнены рукой профессионала. В 1883 г. он возвратился в расквартированный неподалеку от Рязани 11-й гренадерский Фанагорийский полк, в котором 1886 г. получил звание лейтенанта, а в 1888 г. – поручика. Служба в гренадерском полку предполагала частые разъезды. Можно согласиться с наблюдениями А.В. Жука, что такое положение помогало начинающему археологу при археологических разведках. Период приблизительно с 1886 г. по 1888 г. совпал у В.А. Городцова с проявлением научного интереса к археологии. Но любопытствовать о древнейшем прошлом родных мест он начал, несомненно, значительно раньше.

Существовали и объективные причины возросшего интереса к рязанской археологии. В частности, в 1873 – 1875 гг. священник Н.В. Любомудров, который исполнял обязанности государственного статистика, поместил в периодическом издании «Рязанские епархиальные ведомости» множество сведений о городищах, курганных могильниках и прочих памятниках. В.А. Городцов, как воспитанник духовного учебного заведения, был обязан читать епархиальную периодику. А.В. Жук выяснил, что он получал в семинарии высшие баллы по

гражданской истории. Подтверждением, что В.А. Городцов рано заинтересовался археологией, представляется, к примеру, следующее событие. В 1874 г. появилась публикация Н.В. Любомудрова об открытии при строительстве местной железнодорожной ветки комплекса археологических памятников в с. Борки. В этом же году там побывал Василий Городцов. Приблизительно тогда же он познакомился с 20-летним семинаристом Степаном Яхонтовым, впоследствии одним из видных деятелей РУАК. В следующем году Н.В. Любомудров опубликовал сведения об археологических коллекциях А.В. Антонова.

К 1878 г. В.А. Городцов самостоятельно собрал некоторое количество древних артефактов. В 1879 г. коллекция археологических предметов была представлена на Антропологическую выставку, которую устраивало Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Коллекция каменных орудий, собранная к 1889 г., была отправлена В.А. Городцовым в Российский Исторический музей.

Со времени образования губернских ученых архивных комиссий в 1884 г. правителем дел РУАК стал А.В. Селиванов, один из наиболее видных членов Рязанской комиссии в первое десятилетие ее существования. В годы учебы в Московском университете учителем А.В. Селиванова был антрополог, этнограф и археолог, профессор зоологии А.П. Богданов. В первой половине 1870-х гг. под его влиянием А.В. Селиванов приобщился к полевой археологии. В 1880-е гг. В.А. Городцов служил в полку с родными братьями А.В. Селиванова. В.А. Городцов имел и другие возможности быть в курсе научных событий, наблюдать становление местной ученой школы фактически с первых ее шагов. Определенный срез научной жизни Рязани второй половины 1880-х – начала 1890-х гг., некую панораму рязанской археологии в связи с общероссийскими событиями и лицами дает монография А.В. Жука.

На фоне объективных факторов существовали и субъективные моменты: у В.А. Городцова проявлялся интерес к научным знаниям, яркая тяга к самообразованию. Он четко уловил новое веяние в науке – переход от естественноисторической к культурно-исторической интерпретации в археологии.

В отношении практической, полевой деятельности В.А. Городцова в этот важный период интересно привести мнение, взгляд со стороны. В конце 1880-х гг. крестьяне с. Дубровичи вдруг заговорили о необычном занятии их односельчанина Василия Городцова. Не могло остаться незамеченным, что в тридцатилетнем возрасте он начал целенаправленно собирать различные каменные предметы и черепки от старинных глиняных сосудов на поверхности близлежащего песчаного холма Борок. Жители с. Гавердово видели, как он в течение нескольких дней что-то постоянно искал в известных им глубоких оврагах, а затем долго ходил по вершине древнего кургана и что-то записывал. Половские рыбаки по его просьбе перевезли через р. Оку найденный им в обрыве берега обломок кости какого-то невиданного животного. Шумашские пастухи уверяли, что он просил собирать для него черепки старых глиняных горшков и все острые кремни в окрестностях села. Осенью 1888 г. рязанцы узнали, что вблизи города обнаружена стоянка человека нового каменного века.

Значительно позднее В.А. Городцов размышлял о своих первых шагах в археологии и, стремясь быть кратким, зафиксировал лишь один, по-видимому, важный для него факт собственной ученой биографии. Во время изучения работы Д. Леббока «Доисторические времена» у него в памяти всплыло воспоминание о «громовых стрелах» – его детских игрушках в родном селе Дубровичи. Эти кремневые орудия были очень похожи на те, которые встретились в издании.

Чтобы убедиться в накапливавшихся исследовательских наблюдениях начинающий археолог сделал две поездки в с. Дубровичи – 27 сентября и 3 октября 1888 г. О них упоминается в рукописной статье первого научного доклада В.А. Городцова на заседании РУАК «О коллекции каменных орудий, собранных в Рязанском уезде в окрестностях сел Шумашь, Дубровичи, Алканово и Мурмино». Подробнее эта работа будет рассмотрена

далее. С долей условности осень 1888 г. можно принять за начало научно-исследовательской деятельности археолога В.А. Городцова.

Собранные находки составили коллекцию каменных орудий, которая поступила в Русский Исторический музей. Несколько десятилетий спустя, когда Василий Алексеевич уже стал сотрудником главного исторического музея страны, на планшете этой коллекции он написал: «Это те первые предметы, которые заставили меня заняться археологией. Переданы в 1889 г.».

Вскоре сведения о важном археологическом открытии в с. Дубровичи последовательно достигли членов РУАК Н.Н. Баженова и А.В. Селиванова (правитель дел комиссии узнал об открытии из заявления В.А. Городцова в РУАК 11 июля 1889 г.). Н.Н. Баженов самостоятельно провел изыскания, собрал коллекцию кремневых орудий и вскоре предпринял поездку за границу. Когда он сам упомянул об этом на заседании РУАК 5 сентября 1889 г., цель осталась неясна. Поездка за границу помешала запланированному, совместному с В.А. Городцовым исследованию памятника.

Позднее В.А. Городцов предложил свои услуги другим членам РУАК, передав в дар комиссии еще одну довольно значительную коллекцию кремневых орудий из с. Дубровичи. Он просил комиссию о содействии в деле получения от Московского Археологического общества открытого листа на его имя. А.В. Селиванов согласился, получив открытый лист также на свое имя. Н.Н. Баженов опротестовал это, объявив о бесцеремонном к нему отношении. Правитель дел заявил о совершении с его стороны передачи нескольких кремневых орудий в иностранные музеи, в свете чего счел своим долгом воспрепятствовать дальнейшему исчезновению ценных археологических находок из Рязани. Н.Н. Баженов заявил, что большая ценность найденных вещей, что предполагал В.А. Городцов, преувеличена. На это последовало возражение, в том числе, от А.В. Селиванова.

Положительный результат для В.А. Городцова состоял в том, что ему удалось завязать отношения с РУАК, спор не лишил археолога исследовательского энтузиазма. По результатам обследования озера Кремневая Музга близ с. Дубровичи он пришел к выводу, что в эпоху неолита на месте озера, у подножия первобытного «замка» (стоянка «Черепки» – Д.Г.) располагалась и «процветала фабрика каменных орудий». Однако, в окрестностях родного села у В.А. Городцова это был не единственный объект исследовательского интереса. На протяжении более чем десятилетия, начиная с 1880 и в 1884, 1885 – 1894 гг., он уделял пристальное внимание изучению донного острова Борок. В 1889 – 1890 гг. были предприняты небольшие раскопки. Особый интерес вызвала Сакор-гора. В 1923 г. археолог возвращался к результатам исследования Борковских дон, уточнив данные о стратиграфии ранненеолитического культурного горизонта. Здесь он, объективно говоря, рассматривал эпоху мезолита. Были открыты следы богатой стоянки каменного века, очажные ямы, остатки жилищ. В конце концов, на этих материалах В.А. Городцов пришел к пониманию, что культурные слои различного времени на дюнах смешиваются далеко не всегда.

Самым замечательным и необычным памятником вблизи Дубровичей оказалась стоянка Черепки, расположенная на холме из известняка и песка. Исследование ее В.А. Городцов начал в том же 1889 г. Позднее он пришел к достаточно любопытным заключениям.

Итак, можно с полной уверенностью сказать, что к 1889 г. при сочетании нескольких факторов у целеустремленного офицера-самоучки появился исследовательский интерес к археологии, что не осталось незамеченным.

20 сентября 1889 г. по рекомендации правителя дел РУАК А.В. Селиванова В.А. Городцов был принят в члены комиссии. Ровно месяц спустя на очередном заседании новому члену комиссии было предоставлено слово. В.А. Городцов прочитал доклад, представил коллекцию каменных орудий.

Сначала речь зашла об описании мест, обследованных в окрестностях с. Дубровичи: Борока, Черепков и Кремневой Музги. Была сделана попытка проследить строение Борока. В

рассказе о собранных предметах были затронуты местные предания. Упоминание о «громовых стрелах» в связи с Бороком и Черепками придало своеобразный колорит выступлению исследователя. В.А. Городцов попытался объяснить этимологию названий озер, ручьев и местечек, примыкавших к Бороку. При относительной скудости фактического материала он решился сделать предположение, что время существования поселения на этом месте относится к периоду колонизации рязанских земель славянскими племенами. Причем обитатели Борока были отнесены к финскому племени.

В.А. Городцов рассказал членам комиссии о том, что 22 января он послал в Московский Исторический музей археологические находки, планы и список изысканий. Он предложил также московским ученым присоединиться к изучению богатых памятников в окрестностях Дубровичей, которые представляли, с его точки зрения, большое значение для общерусской древней истории. Получив из Москвы благодарность за переданную коллекцию, В.А. Городцов решил продолжить изыскания, в том числе и в близлежащих селах Шумашь, Алеканово, Мурмино. Он предложил своему брату П.А. Городцову принять совместное участие в этих исследованиях.

В своем докладе В.А. Городцов подробно остановился на том, как познакомился с Н.Н. Баженовым. Сначала он посчитал это удачей, поскольку к нему обратился член РУАК. Затем догадался, что Н.Н. Баженов действовал не от имени комиссии, а от своего личного. Тогда 11 июня 1889 г. он заявил об этом в РУАК. 24 июня В.А. Городцов приехал в Дубровичи и ему удалось собрать со дна Кремневой Музги около 150 кремней. 30 июня он побывал в соседнем Шумаше, где обнаружил очень большое количество интересовавших его вещей. Между тем, пока из комиссии не приходило никакого ответа на сообщение В.А. Городцова, его брат открыл скопления каменных орудий в Алеканово (неподалеку от Борока), а также около с. Мурмино, в местечке Могилки.

В.А. Гордцов упоминает, что обратился с просьбой в Московское Археологическое общество о выдаче ему открытого листа, который получил 24 июля 1889 г. 28 июля он отправился вместе с братом на раскопки в Дубровичи, осмотрев по пути окрестности с. Шумашь. Здесь они нашли осколки и цельные кремневые орудия на узкой и длинной песчаной полосе, соотнесенной В.А. Городцовым с Бороком. В докладе объяснялась стратиграфия местности. Вывод заключался в том, что в древности на этом месте существовало поселение человека. Городцов детально рассказал о ходе исследования Кремневой Музги, где было обнаружено большое количество каменных орудий, особенно их осколков в разных частях пруда. Работы здесь продолжались 29 и 30 июля, но завершить их не удалось. В первых числах сентября В.А. Городцов совершил поездку в Алеканово (в трех верстах от с. Дубровичи) и Мурмино. Местонахождение каменных орудий в первом пункте оказалось как бы продолжением Борока и располагалось по берегу р. Ратуги и оз. Велие. Озеро имело продолжение в виде другого озера Долгого-Казарского (около Мурмино) с довольно высоким холмом на берегу. На этом месте он установил местонахождение каменных орудий, а также зафиксировал значительный культурный слой. Осколки глиняной посуды В.А. Городцов признал идентичными подобным находками из Кремневой Музги.

Обобщив результаты исследований четырех пунктов в районе с. Дубровичи, В.А. Городцов заявил, что на месте Кремневой Музги находилось целое «производство» каменных орудий, а по всему левому берегу р. Оки в этом районе жило племя, владевшее этой «фабрикой». Он высказался за дальнейшее изучение этой местности, отметив необходимость определения границ владений племени. Следующим шагом ему представлялось накопление новых данных по более раннему периоду и определение роли обитавшего здесь населения в истории культуры ранних племенных образований.

В мае 1890 г. Городцовым была обследована южная обвалившаяся часть вала Рязанского кремля, но, судя по всему, серьезного обследования вала в этот раз не состоялось. На заседании РУАК 22 мая 1890 г. археолог сообщил о новых находках, сделанным вблизи

села Борки Рязанского уезда, – также орудиях каменного века. В.А. Городцов просил архивную комиссию исходатайствовать для него у Императорской Археологической комиссии открытого листа на производство раскопок. На заседании 20 октября было доложено о получении этого документа на его имя. На этом же заседании В.А. Городцову предложили временно принять на себя обязанности библиотекаря РУАК для приведения в порядок библиотеки, составления каталогов, размещения печатных изданий по отделам и прочего.

В 1890 г. А.В. Селиванов и В.А. Городцов приняли участие в VIII Археологическом съезде. На всероссийском научном форуме был заслушан только доклад А.В. Селиванова (о раскопках в Старой Рязани).

У В.А. Городцова позднее, в 1897 г. в Трудах VIII Археологического съезда вышла статья «Жилища неолитической эпохи в долине р. Оки в связи с открытиями в окрестностях с. Дубровичи Рязанского уезда». В этой работе ученый выдвинул проблему, которая вырисовалась в результате исследования неолитической стоянки Черепки. К ней он возвращался в одном из своих главных трудов «Археология. Т. I. Каменный период» (изд. 1923 г.). По мнению автора, холм Черепки в своей основе представлял намывной остров. По-видимому, древний человек искусственно возвысил его так, чтобы не заливали полые воды. В срединной части холма обнаружилась яма, которую В.А. Городцов рассматривал в качестве искусственного зимнего жилища древнейшего происхождения. Изучив место углублений, вырытых крестьянами до его исследований, он был склонен видеть в известняке Черепков искусственную кладку. Наверное, это положение может быть оспоренным. Но поражает сам факт, как исследователь решился на такую смелую догадку. Даже если впоследствии и испытывал какие-то сомнения, он не обходил «подводные камни» и много раз возвращался к этой проблеме. Уже позднее археолог В.А. Городцов пришел к выводу, что «плотинная стоянка» Черепки в целом относится ко времени Волосовской стоянки (вторая половина III – начало II тысячелетия до н. э.). Этот вывод находит подтверждения в современных исследованиях.

В 1890 г. на заседании РУАК 5 декабря А.В. Селиванову и В.А. Городцову было предложено вновь принять на себя обязанность представлять РУАК на очередном IX Археологическом съезде. На этом заседании В.А. Гордцов сделал доклад о своих текущих работах по исследованию памятников каменного века в долине р. Оки. 16 декабря на годовом заседании комиссии, когда произошло разделение ее на три отделения (архивное, историческое и археологическое), председателем археологического отделения был избран А.И. Черепнин (14 голосов), а секретарем – В.А. Городцов (17 голосов). В годовом отчете о деятельности РУАК за 1890 г. за В.А. Городцовым было записано открытие и исследование памятников каменного века близ сел Дубровичи и Шумашь, а также двух городищ неподалеку от станции Луховицы по Московско-Рязанской железной дороге. Исследователем приводилась в порядок коллекция орудий каменного века (несколько сот предметов), которую он намеревался передать в Рязанский музей.

В 1891 г. деятельность В.А. Городцова в РУАК была наиболее динамичной и яркой. На протяжении этого года он составлял каталог по археологии каменного века и частично курганной эпохи. Была подготовлена отдельная опись вещей курганной эпохи из находок 1890 г.: в окрестностях р. Борик (недалеко от Рязани, к югу и юго-западу от Борковской роши), с. Дубровичи (Борок), с. Шумашь, с. Коростово, Фефеловского бора, с. Борки (опись закончена 1 апреля 1892 г.).

В 1891 г. В.А. Городцов продолжил составление археологической карты и возвращался к ней еще не раз в течение последующих полутора десятка лет. Он определял распространение городищ, курганов и стоянок каменного века. К 1891 г. ему было известно о существовании могильника VIII-IX вв. в окрестностях с. Борки близ Рязани. Сообщалось, что окрестности этого населенного пункта заслуживают особого внимания еще и потому, что на

месте могильника была обнаружена стоянка каменного века, обследованная им в 1890 г. Исследователь заявил о важности выяснения отличительных признаков археологических эпох, их особенностей относительно друг друга. Во-первых, В.А. Городцов говорит здесь, уже на раннем этапе научно-исследовательской деятельности, о том, что позднее составит суть метода системного анализа памятника. Во-вторых, он представляет предмет и объект своих исследований широко, не только в пределах Рязанского края, и даже не исключительно бассейна р. Оки.

На двух заседаниях археологического отделения РУАК в 1891 г. В.А. Городцов сообщил о находках в окрестностях с. Агрофенино и урочищ Фефеловского и Логиновского бора. Были озвучены результаты исследований остатков полуразрушенных ветрами курганов, в которых были открыты языческие погребения и следы трупосожжения. Он упомянул о Дядьковском городище XI-XIII вв., а также о городищах близ ст. Луховицы Зарайского уезда и в районе с. Городца Спасского уезда. В отношении последнего городища исследователь зафиксировал, что оно основано на месте вероятной стоянки каменного века.

В.А. Городцовым были подготовлены и изложены два доклада «О задачах и предмете исследований археологического отделения РУАК» и «О предварительном исследовании долины р. Оки в 1891 г., на протяжении от с. Коростова до с. Исады». Объектом его особого внимания в 1891 г. было урочище Облачинской пустыни близ сел Дегтяное и Исады Спасского уезда. За два года до того в этом урочище были найдены серебряные слитки (гривны). По мнению археолога, это место важно в том отношении, что представляет собой остатки трех различных культурных эпох: каменного века, курганной эпохи и древнерусской XI-XII вв.

В 1891 г. секретарь археологического отделения Рязанской ученой архивной комиссии активно сотрудничал с председателем этого отделения. В частности, В.А. Городцов передал А.И. Черепнину некоторые сведения о могильнике близ с. Борки. В 1890 г. в данной местности им были обследованы остатки каменного века. При участии В.А. Городцова РУАК в лице председателя археологического отделения комиссии А.И. Черепнина сотрудничала с Московским нумизматическим обществом и его председателем В.К. Трутовским в определении куфических дирхамов.

На заседании 15 апреля 1892 г. В.А. Городцов сообщил о своих наблюдениях, сделанных при осмотре местности близ с. Дегтяное, где был открыт протяженный пепельный культурный слой, довольно многочисленные каменные орудия и другие археологические предметы.

В мае 1892 г. А.В. Селиванов обратился к А.И. Черепнину и В.А. Городцову с предложением принять совместное участие в раскопках Борковского могильника (ему угрожала опасность крестьянской застройки). Из Императорской Археологической комиссии был получен открытый лист на проведение раскопок. Позиция В.А. Городцова изначально была в известном смысле дистанцированной. На А.И. Черепнина возлагалась обязанность вести дневник раскопок, «при содействии Городцова, который делал самостоятельные заметки, послужившие отчасти для сличения верности записей дневника... Все трое вместе или поочередно наблюдали за раскопками». Необходимо подчеркнуть, что настоящая статья не претендует на более или менее полное раскрытие всех аспектов сложнейшего вопроса о раскопках Борковского могильника А.В. Селиванова, А.И. Черепнина и В.А. Городцова 1892 г. Исчерпывающую информацию может дать только разыскание, посвященное исключительно этому вопросу. Можно полагать, что уже определенное время в археологической науке ощущается насущная потребность подобного ретроспективного исследования. Эта потребность определяется не столько необходимостью изучения выдающегося столкновения амбиций исследователей, интересного как определенный историографический факт, сколько тем фактом, что ныне сложный археологический памятник утрачен. Это затрудняет интерпретацию имеющихся, но до сих пор не сведенных

воедино описательно-аналитических материалов, которые присутствуют как в опубликованном, так и в неопубликованном виде. Это большая кропотливая работа, которую предстоит осуществить в будущем. Автор выражает благодарность А.А. Гомзину за помощь, вызвавшуюся в выписках из описей и дел в Государственном архиве Рязанской области.

Общая канва событий в деле раскопок выглядит следующим образом. 24 мая были определены границы могильника. 4 июня приступили к раскопкам. Первая серия работ продолжалась 8 дней, было обнаружено 33 погребения. С 30 июня началась новая серия работ, продолжавшаяся 12 дней. Было обнаружено 52 погребения. С 20 по 28 июля проходила третья серия работ, в результате которой были обнаружены 26 погребений. По мнению А.В. Селиванова и А.И. Черепнина, погребения были представлены двумя типами: собственно погребениями (мужскими и женскими) и трупосожжениями. Было найдено более 1300 различных предметов.

По результатам раскопок Борковского могильника В.А. Городцов не согласился с некоторыми выводами двух других исследователей. О некоем недопонимании мы узнаем из писем В.А. Городцова А.В. Селиванову. Начало переписки относится к июлю 1889 г. Интересно письмо от 25 сентября 1889 г. В нем В.А. Городцов отказывается от переданного ему открытого листа, полученного на имя А.В. Селиванова. В письмах от 16 и 31 марта 1893 г. В.А. Городцов выражает несогласие с некоторыми заключениями «Дневника раскопок Борковского могильника» и требует исключить его имя из авторского коллектива. Объясняет он свое решение тем, что ему не была предоставлена возможность вносить предложения по ходу раскопок и участвовать в обработке полученных материалов. Секретарь археологического отделения РУАК сообщил о намерении опубликовать свой собственный дневник в трудах Московского Археологического общества. Таким образом, он решил «не стеснять других и быть самому свободным». К слову, в таком ключе можно наиболее точно охарактеризовать взаимоотношения В.А. Городцова с РУАК в целом, начиная с 1893 г.

О сути спора по проблемам Борковского могильника, имевшего такие серьезные последствия, мы узнаем, в частности, из статьи В.А. Городцова, опубликованной в периодическом издании Императорского Московского Археологического общества. В работе оспаривается положение А.В. Селиванова о найденных на территории Борковского могильника столбах. А.В. Селиванов заявил о существовании столбов, отмечавших могилы, на которые вешались погребальные горшки. Он говорил о древнем происхождении этих столбов (тезис, который высказан в его реферате, подготовленном к IX Археологическому съезду). В.А. Городцов пишет, что присутствовавшие на съезде исследователи очень заинтересовались этой проблемой. Тем более, профессор Д.И. Иловайский провел аналогию между этим положением А.В. Селиванова и известием летописца о Вятичах, «которые пепел покойников ставили в урнах на “столпах”». Заметим, что А.В. Селиванов говорил о более раннем периоде, хотя и не отметил к какой именно этнографической группе погребений относились эти столбы.

Далее В.А. Городцов заявил, что А.В. Селиванов и А.И. Черепнин сами не были твердо уверены в принадлежности столбов к погребениям, приводя выдержку из реферата А.В. Селиванова: «Ввиду отсутствия явной связи столбов с могильником....». В.А. Городцовым приведен и такой факт: в ходе раскопок встретилась могила, где костяк был поврежден столбами (аргумент не в пользу древнего происхождения столбов). В ходе раскопок были встречены столбы, которые вообще находились не над костяками.

В дневнике В.А. Городцова было отмечено вдвое большее число столбов (21 столб, 2 кола и 1 изгородь). Он делил площадь могильника на три участка: северный, средний и южный (дюнный холм «Жемчужный Бугор»). На северном участке в 1892 г. было установлено наличие трех культурных слоев: современного, железного века (с характерными погребениями) и неолитической эпохи. На среднем и южном участках обнаружилось еще больше культурных наслоений, также включавших, к примеру, на среднем участке слой

эпохи неолита. На среднем участке было обнаружено 20 столбов, на северном – 1. В.А. Городцов отнес столбы к позднему времени (бараки, располагавшиеся на территории проложенной здесь железной дороги). В подтверждение этого вывода он привел рассказ старожилов, из которого следовало, что в свое время на Жемчужном Бугре был вырублен молодой лес. При раскопках ни одного корня здесь встречено не было, то есть они уже успели сгнить. Следовательно, столбы над могильниками (если они древние) не должны были сохраниться. В.А. Городцов говорит также о существовании древнего поселка на площади Борковского могильника, который он датировал X-XI вв. Ему были известны и другие соседние окские могильники – Вахинский, Кузьминский (Константиновский), Польновский, Старорязанский (Шатрищенский) и Курманский. Чего-либо подобного этим столбам на них обнаружено не было.

В 1892 г. В.А. Городцов продолжил археологические изыскания в Дубровичах, Новоселках, Канищеве (следы древнего кладбища), Коростове и в особенности в окрестностях Борока (дюнные наслоения). В этом же году он передал музею РУАК коллекцию каменных орудий и керамики в количестве около 2000 предметов, собранную им в долине р. Оки (в основном с дюны Борок сезона 1889-1890 гг.). К коллекции предметов каменной эпохи был составлен подробный каталог предметов. Видная роль В.А. Городцова в деле комплектования фондов Рязанского музея была отмечена на заседании РУАК 18 октября 1892 г. Ему была выражена благодарность, а также сожаление по поводу его отъезда из Рязани на постоянное жительство по месту службы в г. Ярославль. Была отмечена его полезная деятельность для комиссии в целом.

Таким образом, с 1892 г. непосредственное сотрудничество В.А. Городцова с РУАК приостановилось (через два года его имя уже не встречается в списках членов комиссии). Хотя археолог и впоследствии оставался «со-труженником» высокоцитимой им Рязанской ученой архивной комиссией. Время от времени он сообщал о наиболее важных результатах своей научно-исследовательской работы.

Итак, деятельность в РУАК нужно признать одной из важнейших вех научной биографии В.А. Городцова. Становление исследователя-археолога, будущего крупного ученого произошло в Рязанской ученой архивной комиссии менее чем за четыре года. В комиссии он завязал и упрочил отношения со столичными археологами и археологическими институтами, обеспечив будущий простор приложению своей необычайной творческой энергии. Можно сказать, что участие В.А. Городцова в Рязанской губернской ученой архивной комиссии было коротким, но ценным во всех отношениях. Наиболее очевидно одно – в РУАК археолог получил настоящее научное крещение.

Яркий творческий путь В.А. Городцова, в том числе, на самом раннем этапе достоин исследовательского внимания. При изучении ранних текстов археолога (прежде всего, рассмотренная рукопись первого доклада в РУАК об археологических исследованиях в окрестностях с. Дубровичи, а также публикация по материалам собственного дневника раскопок Борковского могильника 1892 г.) увлеченность ума исследователя открывает путь в мир археологии. При первом же знакомстве легко обнаруживается значительный спектр научно-исследовательских интересов и широкий диапазон устремлений автора.

Итак, можно с уверенностью сказать, что истоком-первоначалом богатой научной биографии В.А. Городцова была Рязанская земля, ее историческое прошлое. Тщательно изучив, наметив и освоив целый круг проблем рязано-окской археологии, «заразившись» исследовательской лихорадкой, Василий Алексеевич в дальнейшем мог щедро делиться глубокими знаниями и разнообразными работами. Несомненно, уже на раннем этапе творческой и практической деятельности археолог В.А. Городцов внес определенную лепту в пробуждение интереса к древней истории малой родины, как неотъемлемой части славного Отечества.